

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. БАСТРЫКИН,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

А.В. Федоров,

заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

А.М. Багмет,

исполняющий обязанности ректора Московской академии СК России, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции

В.В. Бычков,

проректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

И.В. Александров,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

А.Ф. Волынский,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

А.И. Глушков,

доктор юридических наук, профессор

С.В. Дубровин,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Е.П. Ищенко,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН

В.А. Жбанков,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист РФ

С.Я. Казанцев,

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор

В.Н. Карагодин,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации

М.В. Кардашевская,

доктор юридических наук, профессор

А.М. Кустов,

доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, Заслуженный юрист РФ

З.З. Ложис,

руководитель Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки

А.Я. Минин,

доктор юридических наук, профессор

И.А. Попов,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Е.Р. Российская,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

А.В. Хмелёва,

кандидат юридических наук, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации

В.Н. Чулахов,

доктор юридических наук, профессор

Н.П. Яблоков,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист РСФСР

А.Н. Яковлев,

кандидат юридических наук, доцент

Н.Д. Эриашвили,

лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических и исторических наук, профессор, главный редактор Объединенной редакции

МИР КРИМИНАЛИСТИКИ

СОДЕРЖАНИЕ №1/2017

Бастрыкин А.И.
Криминалистическая техника для расследования
преступлений прошлых лет.....4

Багмет А.М.
Криминалистические особенности расследования
ятрогенных преступлений.....10

КРИМИНАЛИСТИКА НА СЛУЖБЕ СЛЕДСТВИЯ

Бадулин А.Н.
Становление и современное состояние криминалистической
службы в системе Следственного комитета Российской Федерации.....16

Стрелков А.А., Филимонов Б.А.
Криминалистические возможности рентгенологических методов
для обнаружения и исследования наркотических средств.....20

Глушков М.Р.
Эффективно ли используется видеозапись в уголовном
судопроизводстве?.....27

Изосимов В.С., Сухов С.Н., Ильин И.В.
Проблемы взаимодействия, квалификации и проведения
экспертиз по делам экстремистской направленности в
Приволжском федеральном округе.....34

Мелихов С.Ю.
Кибербезопасность детей и криминалистика.....37

Шувалова А.М.
Психологический портрет преступника и разработка
компьютерных программ его создания.....42

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Саньков В.И.
Словесный портрет – от Бертильона до наших дней.....48

Зинин А.М.
Случайный попутчик.....50

Ильин Н.Н.
О роли функциональных элементов при идентификации
человека по признакам внешности.....56

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Казачек Е.Ю., Киселев Е.А.
Женская логика: кому она помогает, а кому мешает.....63

ЗАГАДКИ СЛЕДСТВИЯ

Хмелева А.В.
И вновь о группе Дятлова.....70

МАСТЕР

Мишенина А.А., Родионова Ю.В.
Дело его жизни (очерк о Л.Г. Видонове).....79

ПО ТУ СТОРОНУ БАРРИКАД

Бычков В.В.
Педофил как объект криминалистического исследования.....85

ПАМЯТЬ

Хмыров Александр Алексеевич.....95

АНОНС НОВЫХ ИЗДАНИЙ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ В МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ СК РОССИИ

Эффективно ли используется видеозапись в уголовном судопроизводстве?

Бурное развитие видео- и компьютерных технологий привело к тому, что средства записи изображения и звука стали доступны, просты в обращении и, как следствие, повсеместно распространены. Не стала исключением и сфера уголовного судопроизводства. Однако эффективность применения видеозаписи в ней оставляет желать лучшего. Одной из причин такого положения вещей является неясный правовой статус видеозаписи, выполняемой в ходе следственного действия.

Требования закона на этот счет, казалось бы, ясны. Согласно п.5 ч.2 ст.74 УПК РФ в качестве доказательства допускается, помимо прочих, *протокол следственного действия*. А видеозапись, на каком бы носителе она ни была представлена (кассета или электронный носитель информации), это, согласно ч.8 ст.166 УПК РФ, лишь приложение к нему, и никак не составная часть.

Однако, практические работники полагают иначе – из 97 опрошенных на факультете повышения квалификации¹ следователей 56 (58%) человек уверены, что видеозапись обладает доказательственной силой.

Придавать видеозаписи следственного действия статус доказательства склонны и некоторые ученые: «Носители видеозаписи как приложения к доказательствам не могут быть самостоятельными доказательствами, но являются составной *частью* протоколов и используются в доказывании как

приложения к ним»².

Здесь, на наш взгляд, во-первых, упоминание о видеозаписи как о части протокола находится в явном противоречии с последующим текстом (видеозапись – это или часть протокола, или приложение к нему). А, во-вторых, не вполне ясен термин «самостоятельное доказательство». Представляется, что доказательство таковым либо является, либо нет и никакими дополнительными статусами (наподобие «самостоятельности») наделяться не должно.

¹ Ранее – шестой факультет повышения квалификации Академии СК России.

² Криминалистическая видеозапись: учебное пособие (курс лекций) / под общей ред. Р.Ю. Трубицина и О.А. Щеглова. – М.: Щит-М, 2004. С.134. Такое же смешение терминов допускают и иные авторы – см. Теория доказательств в советском уголовном процессе: монография / отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное. – М.: Юридическая литература, 1973. С. 677.

Так или иначе, буквальное прочтение текста ч.8 ст.166 УПК РФ, начинающегося словами «К протоколу прилагаются...», не оставляет сомнений – негативы, слепки, киноленты и т.п. *приложены* к протоколу, т.е. не тождественны ни ему, ни его частям и существуют отдельно, хотя и в тесной связи.

Таким образом, видеозапись следственного действия не обладает доказательственным значением, и функции ее сводятся, по большому счету, к сугубо иллюстративным¹. Причем то же самое можно сказать и про иные способы фиксации – фотографирование, составление планов и схем. Подобное положение вещей видится нелогичным, поскольку не дает в полной мере использовать информативные возможности этих способов.

Так, видеозапись как источник доказательств была бы незаменима в случаях, когда она фиксирует, помимо прочих, объекты, значение которых может стать понятным только в будущем. Или когда словесное описание затруднено (например, в силу специфичности обстановки и обнаруженных предметов). Наконец, конфликтные следственные ситуации,

особенно вокруг ключевых процессуальных моментов, которые явно станут в будущем предметом жалоб со стороны защиты – настоятельно рекомендуется фиксировать на видео. К таким ситуациям относится, в первую очередь – отказ обвиняемого и его защитника от подписания процессуальных документов, заявление в этой связи различных жалоб и ходатайств, либо согласие подписать документ, но под каким-то условием.

Заметим, что идея о расширении перечня источников доказательств за счет результатов применения технических средств не нова. Ее выдвигали еще в середине 1980-х известные ученые А.И. Винберг и Ю.Г. Корухов², вслед за ними высказывались в том же духе и другие исследователи³.

Почему не были реализованы эти рекомендации – остается только догадываться. Возможно, из-за не вполне определенного понятия «научно-технические средства», возможно – из-за того, что ученые ссылались на зарубежный опыт; возможно – из-за того, что нововведения казались слишком радикальными.

В любом случае, мы ведем речь не о технических средствах, а о более определенных вещах – приложениях к протоколу следственного действия.

¹ Не секрет, что и следователи, и суды подчас апеллируют к фототаблицам или видеофайлам как к источникам доказательственной информации. Такие формы доказывания представляются вполне разумными, но на законе, тем не менее, не основаны и практикуются, скорее, от безысходности.

² См. Менькин И.В. О доказательственном значении аудио- и видеозаписей в уголовном процессе (Журнал российского права, 2001. № 9) // СПС КонсультантПлюс.

³ Там же.

Придание видеозаписи следственного действия статуса доказательства порождает серьезный вопрос – каким формальным требованиям она должна будет удовлетворять? А точнее – нужны ли будут какие-то специальные требования или возможно будет обходиться прежними, общего характера?

Действительно, требования к такому виду доказательств, как, например, протокол следственного действия, весьма подробны – см. ст.166 УПК РФ. То же можно сказать и про заключение эксперта – судебной экспертизе посвящена целая глава – 27.

К тому же - о необходимости специальных требований исследователи высказывались уже не раз и достаточно давно¹. Однако, рассматривая конкретные варианты предлагаемых норм, приходится констатировать, что новыми их назвать сложно, как, впрочем, и специальными.

К ним, в частности, относятся – норма, допускающая применение технических средств при производстве следственных действий – для обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств и следов преступлений². Эти положения, как известно, дублируют предписания ч.4 ст.164 УПК РФ, которые, кроме того, не вполне удачно сформулированы.

Далее предлагается записать критерии применимости технических средств – научная обоснованность, правомерность, эффективность и т.п., что, на наш взгляд, уместнее смотрелось бы в учебнике криминалистики, но не в тексте закона.

Другие предложения также лишь повторяют то, что уже имеется в законе – право следователя на привлечение специалиста для применения технических средств; применение их на допросе лишь с согласия допрашиваемого; отражение в протоколе условий и порядка их применения, объектов, к которым они были применены, а также полученных результатов, и т.д.³

Не являются оригинальными также пожелания: предусмотреть в законе возможность изъятия у участников судопроизводства (причем неясно – почему только у них) имеющихся у них видеозаписей, дискет и других предметов, по-

¹ Одно из таких замечаний, которое встретилось автору, датируется 1981 годом – см. Зинченко И. А. Доказательственное значение фотоснимков, кинолент и видеogramм, прилагаемых к протоколу следственных действий // Вопросы усиления борьбы ОВД с правонарушениями. М., 1981. С.86-87. Автор видит препятствие к использованию в доказывании приложений к протоколам следственных действий именно в этом – потребуются дополнительная разработка порядка процессуального оформления этих объектов определенными документами.

² Миленин Ю.Н. Аудио- и видеодокументы как доказательства в уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2009. С.8 - п.4 положений, выносимых на защиту.

³ Там же.

лученных в результате применения научно-технических средств (НТС); предоставить следователю возможность применять любое НТС для сбора доказательств; обязать орган, осуществляющий ОРД, представлять следователю материалы, полученные в ходе применения НТС¹.

Некоторые из предлагаемых нововведений заслуживают внимания. Так, С.А. Ожередова и Н.И. Долженко, считая нужным придать видеосъемке следственных действий статус «самостоятельного источника информации», говорят о необходимости дополнить УПК РФ новой статьей «Доказательства, добытые при помощи научно-технических средств», в которой предусмотреть правила и условия допустимости доказательств, добытых при помощи видеозаписи на этапе следствия. Соответственно определить порядок и форму получения видеозаписей следственного действия².

Надо отметить, правда, что препятствием для такой новеллы является отсутствие термина «научно-технические средства» в законе. Но дело даже не в этом (хотя восполнить пробел было бы не просто), а в том, что само понятие слишком широко. А, кроме того, единственное конкретное предложение по поводу порядка и формы получения видеозаписи, которое дают авторы – видеопленка или

видеокассета не могут подвергаться монтажу или фальсификации.

Едва ли кто-то возьмется спорить с этим утверждением, но как записать его в законе? И, главное, надо ли – учитывая его очевидный характер? Фальсификация доказательств по уголовному делу (а именно в таком качестве мы сейчас рассматриваем видео) запрещена и так, причем под угрозой уголовного наказания – ст. 303 УК РФ.

Думается все же, что надо. Запрещенное УК РФ деяние еще надо выявить, что не всегда возможно. Гораздо разумнее его не допустить. Так, в частности, работают нормы УПК об отводе. Факт служебной зависимости, например, эксперта от руководителя следственного управления сам по себе еще ни о чем не говорит – эксперт, даже будучи зависим, может проводить (и, как правило, проводит) экспертизу объективно и беспристрастно. Но упреждающее значение ч.2 ст.70 УПК РФ в том и состоит – она запрещает производство экспертизы такому эксперту, исключая саму вероятность предвзятого подхода (который точно так же запрещен и сам по себе – ст.307 УК РФ).

¹ См. Менькин И.В., указ. соч. Три статьи с соответствующими положениями автор предлагает объединить в специальную главу «Доказательства, добытые при помощи научно-технических средств».

² Долженко Н.И., Ожередова С.А. Видеозапись следственного действия как источник доказательственной информации // Вестник криминалистики. – М.: Спарк, 2007, Вып. 4 (24). С. 79-81.

Ответив положительно на второй из поставленных только что вопросов, рассмотрим первый – как в тексте закона реализовать запрет на даже потенциальную подмену видеозаписи.

Как минимум, это надо сделать предписанием опечатывать носитель записи после ее окончания (или после перезаписи).

Такой подход представляется целесообразным несмотря даже на то, что новая редакция ст. 170 УПК РФ позволяет следователю проводить большинство следственных действий без участия понятых. Как следствие этой нормы – не исключаются ситуации, когда, например, осмотр места происшествия следователь может провести единолично, т.е. буквально в одиночестве, лишь бы такой осмотр сопровождался применением видеозаписи. Заверять упаковку видеозаписи следователь, будучи единственным участником, при этом будет должен только своей подписью. Соответственно, для недобросовестного следователя при этом открывается возможность подмены записи.

Тем не менее, рассматривать такую возможность всерьез вряд ли стоит. Во-первых, качественную фальсификацию видеозаписи выполнить не так просто. Во-вторых, следственное действие с участием одного лишь следователя, очевидно, будет практиковаться крайне редко; почти всегда потребуются помощь, как минимум, лица, выполняющего съемку. В-третьих, уголовная ответственность за фальсификацию доказательств (и как раз в связи с изменениями в ст. 170 УПК РФ) федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 серьезно усилена – верхний предел санкции вырос с 3 до 5 лет лишения свободы¹.

Далее нужно будет учесть еще один существенный момент, а именно – возможность просмотра видеозаписи в последующем иными участниками судопроизводства. Такая необходимость может возникнуть у следователя, который будет расследовать дело впоследствии, у руководителя СО или у прокурора. Наконец, не исключено, что сам следователь, сделавший запись, сочтет нужным по какой-то причине к ней обратиться. Добавим сюда случаи вскрытия упаковки экспертом, который, возможно, будет исследовать запись.

В настоящее время этот вопрос законом никак не урегулирован, что, в общем-то, объяснимо – вся значимая информация должна содержаться в протоколе, а видеозапись доказательственного значения не имеет, потому и опечатываться не должна и, как следствие открыта для просмотра.

Однако следственная практика уже сейчас идет, как известно, по пути опечатывания видеозаписи. При обретении последней статуса доказательства указанная процедура станет тем более насущной.

И если неизменность записи после экспертных исследований можно считать гарантированной (эксперт на заинтересован в исходе дела), то следователям приходится прибегать к разного рода ухищрениям наподобие дополнительного (и незаконного) осмотра записи с участием понятых. Прокурор же оказывается вовсе лишен возможности ее легального просмотра.

¹ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. №48 от 06.03.2013.

Проблема будет решена, если в следственном органе сохранить копию записи – на компьютере следователя или в отделе криминалистики.

И, наконец, предлагаемые правила обращения с видеозаписью имеет смысл распространить на остальные приложения к протоколу следственного действия – коль скоро мы и их хотим наделить доказательственным значением. То есть придется печатывать и обеспечивать сохранность (и изготавливать копии на случай просмотра) и графических файлов фототаблицы, и планов, и схем.

Действительно – одно дело, когда к протоколу открыто приобщен (и, стало быть, доступен для правок) план, выполняющий лишь иллюстративную функцию. И совсем другое – когда такой план содержит собственные и нигде не продублированные сведения о расположении объектов, расстояниях между ними и т.д.

Учтем, однако, что печатывать и обеспечивать неприкосновенность вообще всех приложений к протоколу порой затруднительно, но главное – не всегда нужно. Если следователь не стремится придать им доказательственное значение и ограничивается вспомогательным иллюстративным, то в печатывании (и схем, и даже видеозаписи) необходимости нет.

Другими словами, у следователя должен быть выбор – он может, как и сейчас, тщательно фиксировать ход и результаты следственного действия в протоколе и тогда приложения к нему (если они вообще потребуются) можно будет приобщать к делу без каких-либо специальных процедур. Они при этом доказательственного значения иметь не будут – как не имеют и сейчас.

Либо – приняв решение о фиксации части информации с помощью иных средств, нежели протокол (например, фото- или видеосъемка), следователь должен будет позаботиться об обеспечении их неприкосновенности. В этом случае носители информации смогут рассматриваться как доказательства.

Реализовать предлагаемые изменения в уголовно-процессуальный закон можно следующим образом. В п.5 ч.2 ст.74 УПК РФ уточнить, что приложения к протоколам следственных и судебных действий допускаются в качестве доказательств только в случае, если они приобщены к делу и хранятся в порядке, предусмотренном ч.8¹ ст.166 УПК РФ. В этой вновь вводимой части, в свою очередь, предусмотреть, что по решению следователя по окончании следственного действия приложения к протоколу приобщаются в печатанном виде и хранятся в условиях, обеспечивающих неизменность содержащейся на них информации, при этом к делу приобщаются также копии этих материалов.

Исключая эти уточнения, полагаем, что других изменений в Уголовно-процессуальный кодекс, связанных с появлением нового вида доказательств – приложений к протоколам следственных действий, не потребуется.

Такая регламентация действительно далека от детальной, в отличие от требований к тем же протоколу или заключению эксперта.

Но, с другой стороны, заключению специалиста (ч.3 ст.80 УПК РФ) законодатель посвятил лишь определение, не регламентировав это доказательство больше никак. Ни порядок его получения, ни форма законом не предусмотрены.

Еще меньше определенности с документами – им законодатель не дал даже определения, а лишь указал не вполне ясные признаки – «к ним могут относиться... иные носители информации» (ч.2 ст.84 УПК РФ). Далее указано, что документы истребуются, представляются или получаются в порядке ст.86 УПК РФ («Собирание доказательств»), т.е. по общему правилу.

Вещественным доказательствам, на первый взгляд, уделено достаточное внимание. Однако, посвященные им две обширные статьи – 81 и 82 УПК РФ (почти 4 страницы текста), ведут речь о хранении вещественных доказательств и распоряжении ими при принятии процессуальных решений. Определение этому виду доказательств дано, но какого-либо специального порядка их получения не предусмотрено.

Таким образом, едва ли не половина видов источников доказательств регламентируется уголовно-процессуальным законом весьма лаконично. Тем не менее, эти доказательства работают.

Итак, резюмируем – следователь должен иметь возможность фиксировать сведения, составляющие содержание доказательств, с помощью не только протокола, но и других средств фиксации хода и результатов следственного действия и, в первую очередь – видеозаписи. Причем такую возможность следует ограничить условием – носители информации, предполагаемой к использованию в доказывании, должны быть опечатаны, а с самой информация – снята копия.

Соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон не потребуют пересмотра правовых институтов и отраслей – они могут быть реализованы изменением двух статей УПК РФ.